

ФИЛОСОФИЯ

УДК: 165.19

DOI 10.33514/1694-7851-2023-2-527-536

Бейшенова А.Т.

филос. илим. док., проф. м.а.

И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети

Андашев К.С.

аспирант

И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети

**ГУМАНИТАРДЫК ЧӨЙРӨДӨГҮ ЧЫНДЫКТЫН АЙРЫМ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ
ЖӨНҮНДӨ**

Аннотация. Чындык категориясы илимий чөйрөдөгү негизги, фундаменталдуу категориялардын бири болуп саналат, анткени ал чындыкты билүүнүн максаты да, каражаты да, куралы да болуп саналат, аны туура эмес түшүнүүдөн, туура түшүнүүдөн, туура түшүнүүдөн мүмкүн эмес. Дал ушул жагдай адамдардын ой жүгүртүүнү үйрөнөөрү менен алган билимдеринин ишенимдүүлүгү, чындыгы көйгөйүнө туш болушуна шарт түздү. Бирок, гуманитардык чөйрөдө табигый илимден айырмаланып, чындык адамдын табияты менен шартталган бир катар өзгөчөлүктөргө ээ, анткени адамдар өз аракеттеринде башка кызыкчылыктардан тышкары, жактыруу жана жактырбоо ж.б. у. с. Бул макалада бир катар өзгөчөлүктөр аныкталды жана талданды.

Негизги сөздөр: чындык, гуманитардык чөйрөдөгү чындык, ойчул, «казыначы», ин-терес, саясий максаттар.

Бейшенова А.Т.

док. филос. наук, и.о. проф.

Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева

Андашев К.С.

аспирант

Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТИНЫ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Категория истины является одной из основных, фундаментальных в научной сфере, поскольку она, по сути, является и целью, и средством, и инструментом познания действительности, которую невозможно не понять, не осмыслить должным образом, исходя из ложных представлений, положений и принципов. Именно данное обстоятельство способствовало тому, что люди, как только они научились мыслить, стали перед проблемой достоверности, истинности полученных ими знаний. Однако в гуманитарной сфере, в отличие от естественнонаучной, истина обладает рядом особенностей, обусловленных самой природой человека, тем, что люди в своих действиях руководствуются помимо прочего интересами, симпатиями и антипатиями и т.д. В данной статье выявлен и проанализирован ряд бытовых особенностей.

Ключевые слова: истина, истина в гуманитарной сфере, мыслитель, «казначей», интересы, политические цели.

Beishenova A.T.
Doctor of Philosophy, Acting Professor
Kyrgyz State University named after I. Arabaev
Andashev K.S.
Graduate Student
Kyrgyz State University named after I. Arabaev

ABOUT SOME FEATURES OF THE TRUTH IN THE HUMANITARIAN SPHERE

Abstract. The category of truth is one of the main, fundamental in the scientific field, since it is, in fact, both the goal, and the means, and the instrument of cognition of reality, which it is impossible not to understand, not to comprehend properly, based on false ideas, provisions and principles. It was this circumstance that contributed to the fact that people, as soon as they learned to think, faced the problem of reliability, the truth of the knowledge they received. However, in the humanitarian sphere, unlike natural science, truth has a number of features due to the very nature of man, the fact that people in their actions are guided, among other things, by interests, likes and dislikes, etc. This article identifies and analyzes a number of these features.

Keywords: truth, truth in the humanitarian sphere, thinker, "treasurer", interests, political goals.

В 1960 году американский философ Берроуз Данэм, придерживавшийся левых взглядов, опубликовал статью под названием «Мыслители и казначеи», в которой в несколько необычной, метафорической, форме высказал ряд своих мыслей относительно того, как взаимодействуют и каким образом зависят друг от друга три характерные группы людей, составляющие население любого государства. Первая группа – налогоплательщики – представлена в образе женщины, вторая группа – власть имущие, состоятельные люди и те, кто непосредственно обслуживает их интересы и заинтересован в сохранении существующего порядка – представлена в виде казначея, и, наконец, третья группа – люди, способные к аналитическому мышлению, обладающие необходимым образованием и относительной свободой, способные убеждать в чем-либо других людей – выведенная в статье в образе мыслителя.

«Я представляю себе, – пишет Берроуз Данэм, – как женщина древнего Египта (ибо то, о чем идет речь, возникло еще на заре цивилизации) обращается к одному из правивших тогда казначеев.

– Мне пришло в голову, – говорит она, – что я могла бы найти лучшее применение для этих денег, чем отдавать их тебе. Ребятишкам совсем носить нечего, да и мужу новый инструмент нужен» [1, с. 21].

Дальнейший содержание статьи мы изложим собственными словами, сохранив персонажей, не отклоняясь от изложенной в статье сути, однако дополнив текст некоторыми собственными мыслями, выводами и вопросами.

Казначей, понимая, что женщина по-своему права, но он чувствует, что у него может не хватить доводов, убедить ее продолжать платить налоги. Он мог бы, конечно, использовать воинов, имеющих у него в распоряжении. Но это крайняя мера, и ее следует использовать в тех случаях, когда все остальные средства исчерпаны. Ему приходит в голову мысль обратиться к мыслителю, поскольку он обладает способностью убеждать, даже если обстоятельства не на его стороне. Во всяком случае у мыслителя это получится лучше, чем у него. Подсуетившись, он находит нужного ему человека.

– На днях со мной произошел неприятный случай, – обращается он к мыслителю и излагает ему слова женщины.

Мыслитель, с легким недоумением выслушав казначея, отвечает ему:

– Слова женщины, признаться, не лишены здравости. Но я не понимаю, какое я имею отношение ко всему этому. Ты хочешь, наверное, получить от меня совет?

– Не совсем, – говорит казначей. – Думаю, что у меня не хватит красноречия и необходимых доводов, чтобы убедить ее заплатить текущий налог, как, впрочем, и все последующие. У тебя это может получиться лучше, чем у меня.

– Может быть, – неохотно соглашается мыслитель, – но у меня нет желания делать это.

– Разумеется, – говорит казначей, вероятно, предвидя такой ответ, – но у тебя это желание может появиться.

Мыслитель вопросительно смотрит на казначея, который невозмутимо продолжает:

– Видишь ли, я могу сделать так, что десятая часть с уплаченных ею денег получишь ты. И будешь каждый раз получать, как только она будет вносить налог. Тебе только нужно будет объяснить ей, почему она не должна уклоняться от уплаты.

Слова казначея заставляют задуматься его собеседника.

Казначей, чтобы ускорить принятие необходимого ему решения, продолжает после небольшой паузы:

– Не думаю, что женщина будет единственной, кому еще придет эта крамольная мысль. Словом, я готов отдавать тебе десятую долю всех, кого ты сможешь убедить платить налог. Я уже не говорю о том, что это позволит не применять насильственные меры.

Мыслитель, находясь в состоянии легкого удивления, молча смотрит на казначея, не зная, что ответить ему. Неожиданно для себя он обнаруживает, что обладает способностями – умением строго и последовательно мыслить, подбирать необходимые аргументы, убедительно излагать и т.д. – которые могут приносить ему необходимые для жизни средства. Предложение казначея предстает в выгодном ему свете и вполне привлекательно для него. Разве что очень напоминает подкуп, взятку. Но достаточно проблематично, что, собственно, у него хочет у него купить казначей? Определенную услугу. Это очевидно. Но с ней, может, и собственную совесть? Дать однозначный ответ на данный вопрос не так-то просто, как это может показаться на первый взгляд. Женщина, как и все остальное население, должна платить налоги. По другому и не может быть. В противном случае общество дезорганизуется, а государство рухнет. Но сколько она должна платить и как в дальнейшем должны быть распределены налоговые поступления? Должен ли мыслитель оправдывать существующий порядок на том лишь основании, что это порядок, являющийся альтернативой беспорядку? А насколько справедлив этот порядок? Или мыслитель будет его оправдывать только потому, что имеет свою долю с этого порядка?

Очевидно, что казначей предпочел бы купить в первую очередь совесть и душу мыслителя, а его услуги и мудрость могли бы пойти в качестве дополнения, поскольку купленный мыслитель становится управляемым. Еще лучше, если его взгляды в принципе совпадали со взглядами казначея. Но мыслитель, пока его услуги, как и он сам, не куплены, сохраняет свою самостоятельность и независимость, не только бесполезен для казначея, но и может представлять определенную опасность для последнего, и вот почему.

Берроуз Данэм в своем памфлете предлагает следующую ситуацию.

«Теперь предположим, что все происходит несколько иначе: мыслитель, придерживаясь своей первоначальной точки зрения, отправляется к женщине и объясняет ей, почему она была права.

– Прекрасно! – говорит она. – У тебя это выходит даже убедительнее, чем у меня! [1, с. 21]

«В этом случае, – поясняет Данэм, – мыслитель связывает свою судьбу с судьбой тех, у кого он не получит денег» [1, с. 21].

Мотивом к такому поведению мыслителя может быть внутреннее удовлетворение от мысли, что он оказывает помощь людям, объясняя им суть, открывая истину. Обладая собственным

взглядом и способностью видеть истинное положение вещей, а не то, которое казначей пытается навязать другим людям, мыслитель может оказывать определенное влияние на них, и это влияние может постоянно возрастать, пока люди не придут к убеждению, что необходимо менять казначея, а вместе с ним и порядок, насажденный им. При этом мыслитель может не только убедительно порицать этот порядок, объяснить, в чем состоят его изъяны, порочность, но и, что намного важнее, предложить новый. И таким образом он может стать самым опасным врагом казначея, как и существующего порядка.

Что должен делать казначей, понимая все это? Располагая необходимыми средствами и являясь, по сути, хозяином, он, однако, может превратиться казначеем не только у мыслителя, но и у тех, кого убедил мыслитель изменить существующий порядок, или, другими словами, у налогоплательщиков, народа. Вместе с существующей системой сбора налогов в опасности оказывается и весь существующий порядок, в котором он занимает ключевое положение, стяжает все блага и осуществляет контроль над обществом. Мыслитель же вместо того, чтобы убеждать людей в том, что они должны продолжать исправно платить налоги, занят прямо противоположным – объяснением, почему им не следует это делать. Поскольку мыслитель не только не желает, даже за деньги, делать то, что ему предлагает казначей, но и делает или может сделать то, что крайне нежелательно, к нему необходимо применить репрессивные меры, нейтрализовать его. Для начала нужно разорвать ту связь, которая образовалась между мыслителем – во всяком с данным конкретным мыслителем – и определенной частью общества. Этого можно достигнуть различным образом, набор имеющихся средств достаточно богат и разнообразен. Все зависит от конкретных обстоятельств, от прочности и устойчивости существующего порядка, от личности самого мыслителя, характера и степени установившихся связей между ним и обществом и т.д. Его, в конце концов, можно заточить в тюрьму или даже устранить физически. Но это крайние меры, и нежелательно доводить ситуацию до такой грани, когда эти меры будут необходимыми и единственно возможными. При относительно стабильных условиях для начала на него можно натравить других мыслителей – тех, кого казначею удалось нанять, или, что еще лучше, тех, кто разделяет с ним его взгляды на существующую систему сбора налогов, их распределение, а также существующий порядок. Мыслитель, как и любой другой оппонент сложившейся системы, объявляется еретиком, отступником, врагом, который, используя свои знания и способности, угрожает не только процессу сбора налогов, но и всему сложившемуся порядку, государству и всему обществу.

Мыслитель или, что то же самое, теоретик тем или иным образом вытесняется, выдавливается их дискуссионного поля, а с ним неизбежно и его взгляды, которые могут иметь системный, доктринальный характер. В истории можно встретить достаточно много примеров того, как те или иные взгляды либо доктрина считались ортодоксальными, последовательными и правочерными в одну эпоху и еретическими, крайне нежелательными, способными причинить только вред в другую. Были и случаи, когда находящиеся в оппозиции друг к другу взгляды и доктрины, одни из которых могли быть признаны или даже признавались не противоречащими истине, тем не менее считались еретическими, вредоносными, из чего можно сделать правомерный вывод, что в каждый конкретный исторический период или даже момент времени еретизм той или иной доктрины, отступление от господствующих взглядов определяется не ее содержанием или ее истинностью, а тем, насколько и как именно она затрагивает интересы господствующего класса, группы людей – одним словом, казначея.

Существовал и существует различные формы и степень еретизма, разумеется, в интересующем нас контексте. К примеру, те, в основе которых лежит убеждение, обретшем доктринальную форму, что существующая система налогообложения довольно далека от совершенства и ее необходимо в корне преобразовать. Есть и другие ереси, куда более опасные, чем первые, поскольку настаивают на том, что необходимо изменить не только и не столько нало-

говую систему, сколько всю общественно-политическую систему и институты, которым подчинена система налогообложения.

Если мыслители, придерживающиеся ортодоксальных взглядов, оправдывают, теоретически обосновывают необходимость поддержания в рабочем состоянии существующих общественных и политических институтов, требующих своей оптимизации, но никак не их радикальной трансформации и уж тем более полной смены, то «еретики» настроены, как правило, куда более решительно и враждебно к существующему порядку и поэтому ратуют за смену всей системы, а не только налоговой ее части. При этом и те, и другие свои взгляды, как правило, подкрепляют соответствующими теоретическими выкладками, обосновывают их в доктринальной форме. И каждая из противоборствующих сторон, естественно, настаивает на том, что именно она права и ее взгляды и теория являются истинными. Но поскольку взгляды и теории каждой из сторон противоречат друг другу, то неизбежно возникает вопрос: какие из представленных взглядов и доктрин во всяком случае ближе к истине при том, что все они могут быть одинаково далеки от нее? Укажем в данной связи на то, что в истории человечества было множество всевозможных взглядов и теорий на общество и государство, систему управления им и т.д., подавляющее большинство которых было отвергнуто в силу того, что они были ошибочными, ложными или противоречили интересам господствующего класса, группы влиятельных людей и т.д. Гораздо чаще интересы классов, групп людей и соотношение различных сил в обществе, острота и характер противоречий в нем, состояние и качество общественных институтов, находились ли они в состоянии расцвета или, напротив, упадка и многие другие факторы определяли востребованность одних взглядов и теорий и забвение других. Не говоря уже о том, что многие теории, не имея фундаментального характера, сами по себе были рассчитаны на краткий период действия, и их истинность, соответственно, исчерпывалась, как только обстоятельства существенным образом изменялись.

Следует отметить, что в период своего расцвета, подъема, стабильности общественные институты, а вернее, те, кто обеспечивает их деятельность и процветание, могут позволить себе сделать истину достоянием общественности, предать ее огласке, не опасаясь при этом, что она может причинить серьезный ущерб кому-либо. Данэм приводит в данной связи мысль известного английского философа и одного из основателей современной политической философии Т. Гоббса, который утверждал, что «та истина, которая никому не мешает и не противоречит ничьим интересам, желанна для всех» [1, с. 24]. Из данной мысли можно вывести другую, не менее достоверную, что та истина, которая мешает кому-либо и противоречит чьим-либо интересам, будет устраняться по мере сил и возможностей теми, кому она мешает и интересам которых она противоречит. И это утверждение, как и предшествующее ему, является непреложной истиной. Именно интересы, как показывает практика, тех или иных классов, влиятельных групп людей, власть имущих, народов и государств зачастую являются на деле тем, что определяет, что из существующего набора утверждений считать истиной или во всяком случае, каким из истин, признанных таковыми, по тем или иным соображениям отдать предпочтение и какие игнорировать. Речь, конечно, идет о гуманитарных истинах.

В период упадка, кризиса те, кого Берроуз Данэм определил как казначеев, препятствуют всеми доступными им средствами тому, чтобы истина и правда были доведены на сведения всех, и, как правило, не проявляют особой разборчивости в выборе этих средств. «Это приводит к тому, – пишет Данэм – что в таких условиях некоторые истинные суждения влекут за собой наказание, в то время как некоторые ложные суждения приносят почет и славу» [1, с. 25] или во всяком случае всячески поощряются.

Когда затянувшийся кризис приводит к тому, что общество, не зная, что делать, начинает распадаться, то те, кто им руководит, продолжая опасаться истинных суждений, поскольку последние выставляют их в отрицательном свете и подводят общество к мысли об их полной замене, начинают, как правило, прибегать к крайним мерам и массировано используют ложь и

измышления. В таких случаях «мыслители» или теоретики – те, которые приняли условия «казначеев», – ускоренно создают такую картину мира, которая существенно разнится с действительной. Что касается тех «мыслителей», которые предпочли сохранить свою независимость от «казначеев», чтобы сохранить верность истине и дать более достоверное и систематическое описание общества и его потребностей, то они неизбежно попадают в немилость от «казначеев» и всех тех, чьи интересы они представляют, помимо собственных. С одной стороны, они должны держаться как можно ближе к истине, поскольку она является их целью, а с другой – как можно дальше от «казначеев», чтобы обеспечить свою безопасность. В этом состоит одно из фундаментальных различий естественнонаучных истин от гуманитарных, во всяком случае в последние несколько столетий. Поиск истины, когда идет речь о законах природы, не сопряжен с определенными рисками и угрозами, которые могут исходить от заинтересованных в чем-либо людей, чего нельзя сказать о гуманитарных истинах, значительная часть которых, имея прямое либо опосредованное отношение к сфере политики и идеологии, выражает чьи-либо интересы, а вернее, могут быть приспособлены под эти интересы или, поскольку они могут противоречить этим интересам, намеренно игнорироваться, дискредитироваться, шельмоваться, утаиваться и т.д.

На гуманитарных истинах, как и на гуманитарных заблуждениях, предрассудках, предубеждениях и т.д., выстраивается любая идеология, одной из важных функций которой является выделение и фиксация политических пристрастий и настроений населения, подверженных постоянным изменениям и содержащим в себе значительную скрытую мощь, которую власть предержавшие стремятся подчинить себе и управлять ею. Целью любой политики, как известно, является власть, без которой невозможна либо серьезно затруднена реализация комплекса политических мер и достижение всех прочих целей – собственно политических, экономических, религиозных, культурных и др. Наличие же власти, предоставляющее возможность распоряжаться ею по своему усмотрению, развязывает политикам и тем, кто влияет на них, связан с ними, включая «казначеев», руки, позволяя им, с одной стороны, прибегать по своему усмотрению к любым экономическим концепциям, научным теориям и т.д., а с другой – не только игнорировать остальные концепции и теории, но и принимать те или иные меры по отношению к их авторам («мыслителям») так же по своему усмотрению, особенно если они противоречат их интересам и представляют определенную опасность.

Берроуз Данэм указывает на то, что «требования научного исследования настолько прочно переплетаются с соображениями, диктуемыми экономическими интересами, что только к концу жизни до ума мыслителя, отравленного равнодушием и трусостью, привыкшего в течение стольких лет обманывать старых и вводить в заблуждение молодых, может быть, дойдет простая истина: в основе успеха всякого ученого, призванного объяснять события... лежит страх перед правдой. Такими предстают перед нами мыслитель и казначей в трудные времена разобщенности и вражды. Казначей запугивает, а мыслитель обманывает» [1, с. 26].

Собственно, мыслитель в тяжелые и опасные времена боится не правды как таковой, а того, что может произойти с ним, если он позволит себе говорить правду.

«Сила мыслителя, – подводит итог своим рассуждениям Данэм, – заключается не только в том, что он обладает талантом, который может приносить ему доход. Она заключается также и в том, что, хотя он не может обойтись без казначея... от него во многом зависит замена одного казначея другим... Если к тому же он еще и талантливый исследователь... он познает сам и может объяснить другим истинную сущность событий и ход их развития... Он обладает той... властью, которую дает человеку знание, – он может не только описывать ход событий, но и указывать средства, с помощью которых люди могут управлять им. Правда, эта власть может и не обеспечить ему победы, но без нее вообще не может быть речи о чьей-либо победе» [1, с. 27].

Мыслитель, от которого «во многом зависит замена одного казначея другим», уже представляет определенную опасность не только для казначея, но и для государства в целом, угрожая порядку, на котором оно зиждется. Государство, как его определил английский философ XX века Э. Геллнер, – это «специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство – это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка» [2, с. 28]. Однако государство также – это, по мнению В.И. Ленина – «аппарат насилия в руках господствующего класса» [3, с. 20]. Оба приведенных определения, при всем их различии, предполагают использование государством силы для поддержания определенного порядка, который, каким бы он не был, в любом случае лучше беспорядка, хаоса. Проблема в том, какой именно этот порядок и какая общественная сила в наибольшей мере заинтересована в его поддержании. В любом случае государственная власть нуждается в собственном обосновании и оправдании, и этого ей необходим, говоря словами Данэма, мыслитель.

В вышеприведенной истории, выдуманной Берроузом Данэмом, в упрощенном, но понятном и наглядном виде показан характер взаимоотношений между относительно свободными людьми, которые способны к аналитическому мышлению и имеют дар убеждать других людей и которых в современных терминах можно отнести с некоторой натяжкой к интеллигенции, и теми, кто представляет, помимо собственных, интересы государства, заинтересованных в сохранении существующего порядка. Государство, как показывает опыт, не может долго и благополучно существовать, не обращаясь при этом к помощи и услугам тех, кого Данэм определил собирательным понятием «мыслитель».

При всем том, что многие мысли Берроуза Данэма, изложенные в его памфлете, трудно и, пожалуй, не следует оспаривать, он, будучи философом, придерживающимся левых взглядов, не рассмотрел случая, когда мыслителя не только устраивает существующий порядок, но он не видит этому порядку никакой разумной альтернативы. При таких условиях казначею, который является необходимой частью этого порядка, даже не придется подкупать его. Более того, поскольку ему именно такой мыслитель необходим и весьма удобен, он будет заниматься не только его поиском, но и целенаправленным возвращением, пестованием, воспитанием таких мыслителей.

Данэм также не рассматривал случая, когда мыслитель последовательно, добросовестно и убежденно отстаивает интересы государства, гражданином или подданным которого он является. Речь в данном случае идет о государстве, как его понимал и определял Г. Гегель, а именно как общую духовную жизнь, «к которой индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рождения и в которой выражаются их сущность и их деятельность», и о национальных интересах, которые очень часто противоречили и противоречат национальным интересам другого народа и государства. Суть в том, что если не большинство, то во всяком случае многие философские и политические взгляды, концепции, теории и учения возникли и продолжают возникать в условиях конкуренции, соперничества, единоборства различных народов и государств, а мыслители, теоретики – это всегда конкретные люди, которые относятся к какому-либо этносу, нации, народу, и они могут вполне осознанно и целенаправленно, как, впрочем, не совсем осознавая, защищать интересы своего народа, видя в такой защите основное свое предназначение, смысл своей деятельности. В своем подавляющем большинстве они, как и обычные люди, являются носителями ранее упомянутого нами социально-психологического комплекса «мы и они» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они неизбежно смотрят на действительность через призму этнического или национального восприятия и интересов, что накладывает определенную печать на их взгляд на мир и на каждую его деталь.

Достаточно ярким примером восприятия и оценки социальной реальности, которая определенным образом искажалась через призму этнических интересов и предвзятости, благосклонности к своим являются взгляды Аристотеля, о котором уже говорилось в первом разделе иссле-

дования и эстетические, политические взгляды которого выстраивались на грекоцентрической основе, на его искренней вере, убежденности в культурном и ментальном превосходстве греков над всеми остальными народами. И эта его вера, убежденность была в конечном счете воплощена в форме эстетической и политической теорий.

Другим ярким примером, более близким по времени, когда искренняя вера и убежденность обрели наукообразную форму, были научно «обоснованы», а в дальнейшем были взяты на вооружение политиками для достижения своих целей, являются взгляды и «арийская» расовая теория французского писателя и социолога XIX века Жозефа-Артюр де Гобино. Он оказался по сути первым в истории социальной мысли, кто вполне осознано, целенаправленно в развернутом, теоретически «обоснованном» виде сформулировал положение, принцип о расовом неравенстве, который лежит, по его мнению, в основе исторического развития. Равенство, против которого, как считал Гобино, восстает сама природа, порождающая всех людей, он отождествлял с победой, перевесом над всеми прочими посредственности, одинаковости, заурядности, чего никак не следует допускать, чему необходимо сопротивляться всеми средствами и силами. Таким образом, в основе взглядов и расовой теории Гобино была положена внешне благообразная и благопристойная идея нежелательности и недопустимости торжества посредственности, заурядности над благородством, одаренностью и избранностью, толпы над элитой. Такая основополагающая идея не выглядела, во всяком случае на первой взгляд, отвратительной и даже непристойной. Будучи дворянином, Гобино признавал любое равенство – и социальное, и природное – противоестественным, способным вызвать отвращение. Обладая научным складом ума, зная и умея использовать научную логику, французский социолог сделал следующий шаг в свое понимании реальности, утверждая, что расовое неравенство является наиболее глубоким, основополагающим, исходным, первичным по отношению ко всем прочим формам естественного, по его мнению, неравенства, но именно из расового проистекают все остальные разновидности иерархии и существующие системы связей. Таким образом, налицо как некоторая природная и социальная данность – действительные расовые, имущественные и прочие различия – была притянута творцом первой расовой теории в качестве основы для дальнейших рассуждений, приспособлена под собственные симпатии и антипатии и обрела доктринальную форму. Вспомним в данной связи слова Ницше «если бы только можно было жить, не производя оценок, не имея симпатий и антипатий! – ибо всякая симпатия и антипатия связаны с оценкой».

Беря во внимание природное и очевидное, Гобино, особенно не затрудняя себя и не погружаясь в антропологию, выделил три основные расы: белую, желтую и черную. Отметим, что на основе дифференциации человечества на три эти расы продолжает в заметной мере существовать и современная научная парадигма. Эти три расы Гобино представил в виде трехступенчатой иерархии, расположив на нижней ступени черную, на средней – желтую, на верхней – белую. Каждая из ступеней в свою очередь также была подвергнута разграничению, и каждой из групп народов было уже в пределах своей расы отведено свое место. Так, внутри белой расы на верхнем месте Гобино расположил «арийцев». Из всех форм несхожести людей расы, как считал Гобино, отличаются наивысшей степенью постоянства, неуничтожимостью физических и вытекающих из них духовных свойств, при этом белая раса изначально превосходит желтую и черную в физической силе, во внешне привлекательности, в настойчивости достижения поставленной цели и т.д., но главное преимущество белой расы, по Гобино, заключается том, что белые люди от природы наделены более мощным интеллектом. Именно превосходство в интеллекте, уме дает все основания разместить белую расу на верней эволюционной ступени [4].

Рассуждая о расах, Гобино, естественно, опирался на данные современной ему науки, и поэтому его теория изначально исходила из ложной, глубоко ошибочной предпосылки, положения, что существование трех основных человеческих рас в их «чистом» виде уходит в глубь

времен. Проблема в том, что объективные данные современной науки на основании глубокого генетического анализа говоря о том, что белая и желтая расы возникли из черной, что прародитель человечества, так называемый «исторический Адам», благодаря которому все современное человечество находится в той или иной степени родства, был темнокожим человеком, проживавшим более ста тысяч лет назад на территории Центральной Африки, в ее западной части [5]. Таким образом, если «чистая» раса и существовала, то она была черная, а белая и желтая возникли в результате переселения черной на новые континенты, в которых были другие почвенно-климатические условия, и мутаций.

Основа расовой теории Гобино оказалось, как было сказано, ложной и неизбежно стало ошибочным все то, что опиралось на такую основу. Но надо быть наивным человеком, чтобы полагать, что Гобино отошел бы хоть на йоту от главных положений своей псевдонаучной теории, если бы он знал современную теорию происхождения рас, данные генетики, которые опираются на убедительную доказательную базу. Он, по всей видимости, легко вышел бы из неловкого положения, заявив, что мутации в геноме первобытного человека, которые привели к возникновению белой расы, независимо от того, чем были они вызваны, своим следствием имели совершенствование человеческого вида, создание наиболее совершенного человека. Однако такое утверждение поставило бы под сомнение другое его принципиальное положение, что деградация рас происходит в результате их смешения, когда более низкая раса, смешиваясь с более высокой, низводит последнюю до себя, или более низкая этническая группа в пределах одной расы, смешиваясь с более высокой этнической группой, также отпускает последнюю до своего уровня. Так, Гобино настаивал на том, что славяне, которые изначально, по его мнению, были чистыми ариями, уйдя на северо-восток Европы и смешавшись там в дальнейшем с финнами и испытав сильное воздействие финского языка, в значительной мере утратили свои арийские черты, и даже по своим внешним чертам приблизились к финскому антропологическому типу. Но дело этим не ограничилось, поскольку славяне частично смешались еще и с народами, представляющими желтую расу, и в результате приобрели такую черту, как пассивность или, говоря иначе, лень, более свойственную, как считал Гобино, желтым людям. Однако важная часть теории Гобино о том, что деградация рас наступает вследствие их смешения, когда более простое, обладающее большей живучестью, низводит до себя более высокую, также можно было бы обосновать тем, что сложное и благородное, возникшее, возможно, случайно, непредвиденно, как неожиданный подарок судьбы, обладает меньшей приспособляемостью, устойчивостью, чем низшее, примитивное.

Расовая теория Гобино является ярким примером того, как предположения, догадки, предпочтения, желания, внутренние влечения и неприязнь и т.д. обрели форму утверждений, которые в дальнейшем стали каркасом, скелетом, который оброс мышечной массой и обрел форму относительно завершенной теории. Она также является примером того, как желаемое выдается за действительное, как оно «обосновывается» и обретает в конечном счете форму веры.

В каком-то смысле Гобино, создавая свою теорию, решал для себя вопрос, который, как представляется, наиболее удачно сформулировал Ф.М. Достоевский, «тварь ли я дрожащая или право имею»? И Гобино изначально знал ответ: имею право. И его теория – это обоснование этого права, которое есть право сильного. Сила и есть право. Речь, разумеется, не о его личном праве, а праве тех европейских народов, которые в наибольшей мере сохранили аутентичные арийские черты, навязывать свою волю другим народам, грабить и эксплуатировать их. Теория Гобино – это, по сути, нравственно-этическая санкция, «научное» обоснование целенаправленной политики насилия, грабежа и эксплуатации. Не удивительно и не случайно, что уже в XX веке французская расовая теория была германизирована, т.е. приспособлена под конкретные политические и экономические цели германского империализма, который, обретя значительную индустриальную и военную мощь, решил выйти за пределы немецких территорий и получить в полное и безоговорочное свое распоряжение ресурсы восточной Европы,

главным образом Советского Союза, ресурсы, которые позволили бы немцам диктовать свои условия уже всему миру. И не случайно, что уже германизированная версия, попав на японскую культурную и ментальную почву, была адаптирована под нужды и желания японской индустрии, став важной составной частью японского империалистического мировоззрения, философии японского господства в Азии.

Список использованных источников:

1. Данэм, Б. Мыслители и казначеи [Текст]: [Памфлет]: [Пер. с англ.] / Берроуз Данэм; [Предисл. Ю. Мельвиль]. – М.: Госполитиздат, 1960. – 79 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. / Ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 3-е изд. – Т. 20. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. – 738 с.
4. Гобино, Жозеф Артюр де [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гобино,_Жозеф_Артюр_де
5. Ранние миграции человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранние_миграции_человека

Рецензент: канд. филос. наук, проф. Арзыматов Ж.С.